

РЕПОРТАЖ С ТОГО СВЕТА

Джанк — не стимулятор. Это образ жизни

Кедровский
Илья Фальковский

Уильям С. Берроуз. Джанки (Исповедь неисправимого наркомана.) Перевод Александра Керви. — СПб.: Система-Плюс, 1997, 5 тыс. экз.

Три дороги найдешь — три рассказа услышишь (Русская народная поговорка).

РАССКАЗ О ПИСАТЕЛЕ

«ПРИШЛА ПОРА почувствовать себя Богом», — сказал Уильям Берроуз. Эту его фразу мало кто запомнил. «Пришла пора поиграть в Вильгельма Телля», — сказал Берроуз. Вторую фразу запомнили все. В ту ночь Берроуз пил. Пил нещадно. Потешал друзей шутками. Друзья веселились. С каждой новой рюмкой сила входила в кровь. Мир становился подвластным ему. Со словами о Телле Берроуз достал один из своих пистолетов. Жена рассмеялась и с готовностью водрузила на голову стакан. Берроуз выстрелил. Джанк упала замертво. Так началась история Берроуза-писателя.

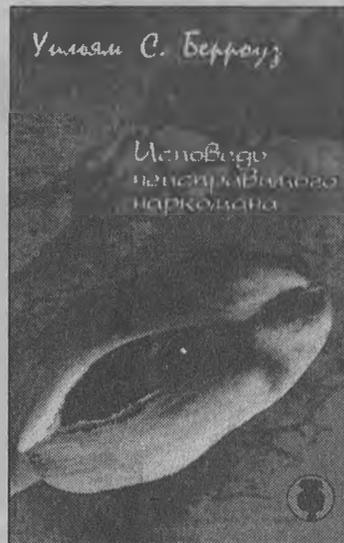
Дело происходило в Мексике в 1951 г. Берроуз отделался незначительным штрафом, после чего в погоне за новыми наркотическими ощущениями уехал в Колумбию. Из Колумбии, мечтая найти наконец «свой город», он переместился в Танжер. Он ночевал в борделях для «голубых», а днем слонялся по аптекам и притонам для гашишистов. Героин («джанк») давно уже стал для него повседневностью, способом жизни. Танжер, затем Англия. Лишь в середине 70-х он смог вернуться в Америку. Новая американская молодежь вознесла его на пьедестал, возведя в ранг вождя. Берроуз играл в кино, рисовал, сотрудничал с разными музыкантами — от Тома Уэйтса до Курта Кобейна. (Кобейн, кстати, во многом подражал Берроузу — коллекционировал оружие, экспонентировал с опиатами, восторгался музыкой легендарного черного трубадура Лидбелли. По слухам, приобрел у Берроуза таинственную «машину мечты»). Знавшие его говорили, что встреча с Берроузом «окрасила» теплом его последние годы. Только вот организм у Кобейна оказался не таким крепким — он погиб в двадцать семь лет. «Разобьем оковы, Берроуз. Пошлем куда подальше всех ублюдков и жирных полонков. Пора начинать, Билл. Пора начинать, Билл», — пели те, кто пришел на смену хиппи.

Он продолжал писать. Этот период в его творчестве впоследствии обозвали «фантастикой Берроуза». Один Уильям Гибсон, кажется, верно заметил, что: «Берроуз просто оказался тем, кто, следуя курсом своего бреда, на-

ткнулся на научную фантастику и подобрал ее, как подбирают ржавый консервный нож. Он использовал фантастику как осколок, как гротескный и патетичный фрагмент, чтобы вставить его в свою культуру». (Добавим лишь, что Берроуз считал НФ наиболее важной добавкой из попкультуры в свою катапную смесь. Но о cut — чуть дальше.) По его книгам снимали фильмы, самый известный из которых — «Голый завтрак» Дэвида Кроненберга. Кто-то клеймил его за наркоманию, кто-то приводил в доказательство пользы наркотиков сам факт того, что «старикан Билл еще жив». Когда-то он верил, что постоянно «слезая» и заново «подсаживаясь», джанки может вызвать регенерацию клеток своего тела, благодаря чему проживет чуть ли не до двухсот лет. («Когда перестаешь расти, начинаешь умирать. Наркоман же никогда не перестает расти».) Теперь ему было все равно. Опыт был пройден. Эксперимент закрыт. К собственной славе он оставался абсолютно равнодушен. Это правда, что он всегда был «чужим». Но правда лишь частичная. Он был не просто чужим — он был выродком. Потомок аристократического рода основателей Новой Англии и изобретателей американского оружия, он с детства грабил и воровал. По выходе из Гарварда частенько вечерами он спускался в нью-йоркскую «подземку» и шарил у пьяных по карманам. Он торговал героином и не брезговал торговать оружием. Это он в далекие 40-е познакомил своих друзей-«битников» Керуака и Гинзберга с литературой Элиота, Кафки, Селина, Шпенглера, Джойса, Гертруды Стайн. Он же познакомил их с миром наркоманов и ворришек с Таймс-сквер. Он же открыл для них волшебную силу своих настоящих «друзей» — бензедрина и героина. И именно он научил Керуака замечательному методу письма-импровизации — при помощи чередования бензедрина и травы.

И так всегда державшийся особняком, теперь, после возвращения, он оказался полностью одинок (жил уединенно, общаясь в основном со своим секретарем). Время «бродяг дармь» ушло в небытие. «Брайон, паскуда, — как-то сказал Берроуз, — и тот умер». (Брайон Джизин — художник, друг Берроуза, подкасал ему идею знаменитого приема cut — «разрезки», позволявшей из одного текста получать совсем иной, высвобожда тем самым «тайные смыслы». Только так могла быть достигнута вождельная свобода от тисков «слова и образа», от идеологии языка. Наркотики, секс и власть управляют телом, слово и образ — контролируют мысль. Берроуз шел своим путем — но путь его во-

многом был параллелен исканиям европейцев. Вы можете поиграться с «машинной cut up» в Интернете — по адресу <http://englishlit.miningco.com/libra/g/weekly/aa080397.htm>.) Былая ненависть исчезла. Остались лишь усталость и равнодушие. Но он продолжал искать. Искать заветную дверь. Меняя кисть на перо, перо на музыку, на звуковую прозу. «Смерть жены, — по-

делился он однажды с друзьями, — сподвигла меня на писательство». Кто, в самом деле, знал об одиночестве больше его, пропутешествовавшего в Ад собственного сознания? И сумевшего вернуться обратно? «Куда я вернулся, Джизин?» — медитировал Берроуз на пластинке «Семь душ».

«Я давно уже ни в кого не стреляю, Мик, — сказал он Мику Джаггеру в 1980 году, — я исправился». Берроуз умер этим летом в Канзасе. Ему было 83 года. (Библиографию сочинений Берроуза см. в 12-м номере «Ex libris».)

РАССКАЗ О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Алекс Керви сам заслуживает отдельного рассказа. Он один из «последних». Из тех, кому немногим больше двадцати, но кто еще успел вкусить «запретный плод» доперестроенной контркультуры. Перед тем как она вышла из подвалов на танцплощадки под яркий свет и бешеный ритм рейв-дискотек. Керви бродяжничал, был музыкантом — играл на бас-гитаре в рок-группе, конфликтовал с законом, печатался в «культурном» молодежном журнале «Забриски Райдер». Затем уехал в Лондон, где участвовал в неудачном проекте Севы Новгородцева — музыкальном журнале «O!». Когда «O!» прекратил существование, Керви остался в Англии. Опять бродяжничал, пытался собрать собственную группу, работал по-черному барменом в кабаках. Писал романы в стиле «эзо-

терический киберпанк», высылая их кусками друзьям, — по e-mail'у (из случайно попадавших ему на пути Интернет-кафе). По слухам, стал лейтенантом Мальтийского ордена и посвященным О.Т.О., мистической организации, основанной Алистером Кроули. Затем исчез.

Говорят, что Керви вернулся в Россию. Может, и так, но никаких тому доказательств не обнаружено. Его никто не видел, голос его не слышен в музыкальном радиозэфире, статьи не появляются в печати. Единственное свидетельство его существования — эта книга.

РАССКАЗ О КНИГЕ

«Джанки» — это название. «Исповедь неисправимого наркомана» — подзаголовок. Отражающий суть. Берроуз просто подробно рассказывает о нескольких годах своей жизни. Мелькает бесконечная череда лиц, имен. Джанки, джанки, опять джанки... В конце концов ты уже едва помнишь, тот ли это Рой или другой и чем очередной Джэк отличается от предыдущего. Берроуз спешит, как бы боясь не успеть, ритм убыстряется, от джанка уже не уйти, он становится всем, укол за уколом... (Когда мы неслись по 95-й в Пи-таун, город «голубых» на мысе Кейп-Код, мне вспоминался драйв «Джанки».) Слезая с джанка, в ломках, в муках перерождаясь, подобно сбросившей старую кожу змее, джанки возвращается к новой жизни. Но ненадолго. Как настоящий джанки не думает ни о чем, кроме джанка, так и эта книга оказывается лишь придатком все более громкой, настойчивой, все в конце концов поглотившей главной темой.

«Я познал формулу джанка. Опиаты — это не способ увеличить удовольствие от жизни, подобно алкоголю и траве. Джанк — не стимулятор, это образ жизни». Но Берроуз не был бы Берроузом, если бы остановился на джанке. «Решение оставить джанк — чисто физиологическое, на уровне клеток... Как для человека, который отсутствовал целую вечность, окружающий мир выглядит совсем по-другому, так и когда ты возвращаешься после джанка». После джанка Берроуз двинулся на юг в поисках нового кайфа. «Кайфа кратковременной свободы от требований стареющей, осторожной, ворчливой, напуганной плоти». Он надеялся найти особый, «телепатический» наркотик яге. Чтобы наконец отказаться от слов, языка, тела. Это была еще одна отчаянная попытка выйти в другой мир. «Может, я найду в яге то, что искал в джанке, марихуане и кокаине. И может, на яге все это и кончится?» Не кончилось. Его гнало дальше.